

ОТ РЕДАКТОРОВ

Часто случается, что конечные результаты намеченных заранее задач оказываются вовсе не такими, какими были задуманы, потому что невозможно загодя точно определить способы их достижения. Многим знакома ситуация, когда при работе над проблемой в какой-то момент материал сам начинает диктовать логику развития темы — можно сказать, как бы соглашается с авторским замыслом, а значит становится своеобразным соучастником, соавтором. Нечто подобное произошло и при создании данного выпуска, посвященного проблеме субъективности.

Бытует достаточно распространенное мнение, что современная философия представлена очень разными и не всегда согласованными между собой направлениями. По нашему мнению, дело обстоит прямо противоположным образом: за свою более чем двух с половиною тысячелетнюю историю философия знала не так много периодов, когда ученые работали едва ли не как единый слаженный коллектив. Именно так обстоит дело в современной философии. Сегодня ее усилия сосредоточены вокруг проблемы человека, даже если темы выражены не всегда явно, как, например, субъективность человека (обсуждаемая в нашем выпуске) иногда оказывается трудно узнаваема, что еще недавно наблюдалось в постструктурализме и постмодернизме.

Несмотря на то, что видение темы, представленное приглашенными в журнал авторами, радикально различается и по контекстам ее обсуждения, и по намеченным решениям, большинство статей явно переключаются по сюжетам и проблематике. И это большая удача. Однако материал потребовал некоторой *разбивки*, которая не совпадает с рубриками журнала: различное прочтение одной проблемы задает необходимость как-то размежевать разные контексты репрезентации субъективности. Это обстоятельство и побудило нас представить обозначившуюся разбивку в данной вступительной статье.

Первый блок статей, который мы для себя назвали «**Граничность субъективности: открытость бытию**», представленный статьями А. Ю. Шеманова, О. К. Румянцев, Б. В. Маркова, В. Ю. Файбышенко, И. В. Гибелева, в значительной мере посвящен онтологическому модусу и субъективности человека и ее граничности. Тем более замечательно, что в данном контексте в первых трех статьях — напрямую, а у Файбышенко — косвенно (там, где анализируется современное понимание символа) всплывает тема *образования*. Для современной культуры не редкость отношение к онтологии (метафизике) как к пережитку тоталитарного прошлого. Но именно философы, обратившиеся к современному прочтению онтологии, всерьез озабочены преемственностью с традицией классической европейской культуры. Ведь теперь включенность молодого человека в эту традицию с помощью классического европейского образования (и так предполагающая сложные структуры опосредствования, т. е. — знания) трудно осуществима. Очевидно, что современное образование нуждается в радикальной трансформации. Предполагаем, что у читателя может сложиться впе-

чатление, будто авторы соревнуются в сокрушении принятых основ: отграниченность/открытость иному в *самоотличении* человека; данность человеку абсолютной инаковости без ее присутствия; трансформации техники формирования субъектов; душа знает, что бессмертна именно потому, что смерть есть; человек должен репрезентировать одновременность собственного присутствия и отсутствия. На самом же деле речь идет о необходимости понять, что же теперь есть *человеческое* в человеке.

Второй блок статей мы объединили темой «**Субъективность в пространстве коммуникативной повседневности**». Сюда мы с долей условности отнесли статьи Г. Л. Тульчинского, А. Я. Флиера, Е. А. Богатыревой, Б. Ф. Шифрина, А. П. Люсого. Повседневность обычно понимается как сфера частной жизни: классическая античность рассматривала человека, чьи интересы ограничены ею, как *idiotes*, частного человека с негативными коннотациями неуча, невежи, простеца. В литературе начиная с XIX века — у Гоголя, Достоевского, затем у Кафки, в экзистенциальной философии XX века в работах Камю, Сартра — повседневность и человек в ней («маленький человек») стали примером отчуждения и заброшенности в мир. И все же понятие субъективности вполне органично связано с темой частной и повседневной жизни, оно немислимо без нее и не может быть *исчерпано* онтологической открытостью бытию, ибо частному человеку присуща субъективность. А то, что происходит с ним в повседневности (тонкое описание повседневной ткани такого частного субъективного существования дается в статье Б. Ф. Шифрина), подчас бросает вызов смыслу его жизни, как он себе его представляет, и открывает ему вопросительность собственного бытия. Поэтому столь важно внимание к этой проблематике при рассмотрении субъективности.

Повседневность как контекст, в котором воплощает себя субъективность, представлена темой перехода границы. Эта тема развивается в двух направлениях: с одной стороны, она трактуется, следуя Хабермасу, как контекст понимания, образующий горизонт повседневной человеческой жизни и своего рода линию/границу этого понимания (статья Е. А. Богатыревой об идентичности в эпоху перемен в образах современного кино), с другой — рассматривается как зона рождения/обживания разных типов субъектности (в статье А. П. Люсого на материале европейской культуры и ее героев). Та же самая тема перехода границы как повседневного феномена своеобразно продолжается в статье А. Я. Флиера, где показывается, что нарушение культурных границ превращается в новую норму современной жизни. Проблема границ субъективной идентичности, в контексте повседневности предстающая в дилемму революционарстского нарушения и фундаменталистского (любой ценой) удержания культурных границ, анализируется Г. Л. Тульчинским, в статье которого в некотором отношении подводится итог темы переходности и нарушения границ в аспекте ее социальных последствий.

Третий блок статей, который мы решили обозначить темой «Дискурсивное производство воплощенной субъективности», представлен статьями Шапинской Е. Н., Коневой А. В., Рейфмана Б. В. Краснухиной Е. К. В этой связи работ звучит важный для понимания субъективности контекст ее репрезентации. Он задан инициированной работами М. Фуко тенденцией рассматривать субъективность как один из продуктов порядка дискурса, одну из стратегий реализации власти и подчинения. Благодаря этой стратегии человек втягивается в охватывающий его порядок тем надежнее, чем в большей мере принимает на себя роль героя в борьбе с ним, субъекта сознательного действия освобождения от него.

Воскресший после своей недолгой «смерти» субъект заметно преобразился и уплотнился — едва ли не доминирующей формой его существования стало тело. При этом тело оказалось одушевленно, а душа обрела плоть, и граница между ними не пролегает разделительной межой, но тактично проявляется только тогда, когда ее начинают пересматривать — правда, теперь это происходит нередко. Эндокринологи говорят, что,

преодолев пору зрелости, мужчины становятся женственной, а женщины — мужественной. Однако исследования, осуществленные в статьях, демонстрирует скорее не зрелость европейской культуры, а инверсии, характерные для архаичных бинарных оппозиций. Инверсия позиции субъекта — с мужской на женскую; соблазна (в моде) — в обратном направлении, субъективного творчества — из разума в бессознательное, коллективные творчество; автономии субъекта из разума, воли, таланта — в желание, вину, совесть, двойника.

В этих различных контекстах репрезентации субъективности и ее границ невольно возникает тревожный вопрос, который и можно, видимо, рассматривать в качестве мотива предпринятого в данном выпуске исследования. Не исчез ли из европейской культуры, которая опирается на цивилизацию, выстроенную институтами опосредствования, Посредник, соединяющий Небо и Землю, душу и тело?

*Румянцев О. К.
Шеманов А. Ю.*

